

И. П. Куприянова (Санкт-Петербург)

ТОМАС ГЛАН В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ВАРИАНТЕ

Томас Глан, герой романа Кнута Гамсуна «Пан», был для целого поколения читателей почти что культовой фигурой. Романтический мечтатель, предпочитающий существованию в обыденной действительности полудикую жизнь в лесной хижине, ищущий идеальной любви и неспособный ради любви поступиться гордостью, тревожил воображение, завораживал своей необычностью. Вышедший в 1894 г. роман вскоре приобрел европейскую известность, им зачитывались даже тогда, когда на имя Гамсуна легло пятно сочувственного отношения к немецкому фашизму. В России «Пан» был впервые издан в 1901 г. и вызвал восторженные отзывы Куприна и Чехова¹.

И вот в 1985 г. перед читателями предстал постмодернистский двойник гамсуновского героя — в романе норвежского писателя Кнута Фалдбаккена «Глан» (Knut Faldbakken «Glahn»).

К этому времени Кнут Фалдбаккен (р. 1941) был уже достаточно известным литератором. Он дебютировал в 1967 г. романом «Серая радуга» («Den grå regnbuen»), за которым последовали романы «Дом его матери» («Sin mors hus», 1969), «Мод танцует» («Maude danser», 1971), «Лето насекомых» («Insektsummer», 1972). Главной темой этих романов является исследование сложных психологических проблем, тесно связанных с сексуальной сферой. Известность Фалдбаккена вышла за пределы Норвегии после публикации социально-экологической антиутопии — дилогии «Страна заката» («Aftenlandet», 1974) и «Суйтуотер» («Sweetwater», 1975), за которую он был удостоен литературной премии Северного Совета. Дилогия была вскоре переведена на другие языки, в том числе (первая ее часть) — на русский².

Роман «Глан» характеризуется норвежскими критиками как «дерзкий ремейк» гамсуновского произведения³, и для этого есть веские основания. Следует сразу отметить, что ни имя Гамсуна, ни название его романа ни разу не упоминаются в тексте — при том, что Фалдбаккен сохраняет имена основных персонажей и ряд сюжетных ходов.

Действие романа «Глан» происходит в середине 1980-х гг., время действия романа «Пан» — 1850-е гг. Повествование, как и у Гамсуна, ведется от имени главного героя — отставного лейтенанта Томаса Глана. Однако существенно изменена мотивировка обращения героя к воспоминаниям о том, что произошло однажды летом, два года назад. Гамсуновский Глан неоднократно утверждает (хотя и явно неискренне), что пишет «ради собственного удовольствия»⁴, для того, «чтобы скоротать время»⁵. Фалдбаккеновский Глан уже на первых страницах признается: «Я мог бы сказать, что делаю это ради удовольствия, чтобы скоротать время, но в действительности это — по настоянию врача. Он думает, что мне это будет полезно»⁶. Позднее мы узнаем, что Глан уже два года находится в психиатрической лечебнице. Фрагменты воспоминаний героя перемежаются длительными беседами с психоаналитиком, пытающимся найти социальные и психологические причины происшедших событий.

Необычность героя задана с самого начала романа. Покинув военную службу, он бездомным бродягой бесцельно слоняется по улицам Осло — ситуация, вызывающая в памяти героя другого романа Гамсуна — «Голод». Случайная встреча с армейским приятелем Маком и его дочерью Эдвардой резко меняет жизнь Глана, начиная собою цепь событий, приводящих к трагическому финалу. Между Гланом и Эдвардой завязываются сложные любовные отношения, завершающиеся разрывом. После этого Глан находит краткое счастье в любви жены Мака, Евы, становится, при участии Мака, виновником ее гибели, что, очевидно, и приводит его в психиатрическую лечебницу.

Таким образом, сюжетная канва романа очень близко повторяет основу фабулы «Пана». Однако в разработке сюжета присутствуют весьма примечательные отличия, в большой степени определенные переносом действия в современность. Убежищем Глана становится не лесная хижина, а мансарда в здании конторы Мака, а позднее — «летний домик» в загородной усадьбе того же Мака. Но оба своих обиталища Глан упорно называет «хижинами». Лес, в котором чувствовал себя счастливым гамсуновский герой, постоянно присутствует в воображении его тезки, но реально он воплощается сначала в джунгли большого города, потом — в парк вокруг дома Мака, а в конце романа возникает в гротескном виде — как картина на стене лечебницы, вышитая, по-видимому, кем-то из пациенток. Мак, вместо провинциального торговца средней руки, становится у Фалдбаккена преуспевающим столичным коммерсантом, сохраняя при этом некоторые узнаваемые черты: злобное коварство, потуги на элегантность, жестокость и, наконец, неудовлетворяемую страсть к Еве и ревность к Глану. Ева, превратившись из жены кузнеца в супругу Мака, тоже наделена свойствами своего «прототипа»: естественностью, способностью безоглядно отдаться любви к Глану, сознавая при этом, что в его душе живет чувство к Эдварде. Последняя кажется

типичной представительницей своего поколения: она небрежно одевается, посещает дискотеку, находит «старомодным» свое имя, требуя, чтобы ее называли «Эдди». Но по внутренней своей сущности и она близка к гамсуновской героине — она порывиста, своевольна и горда; в отношениях с Гланом инициатива постоянно принадлежит Эдварде, она явно стремится подчинить его себе.

Отношения между героями у Фалдбаккена предельно усложнены. Глан, сжигаемый любовью к Эдварде, уклоняется от полной физической близости с ней; такая близость возможна для него лишь в слиянии с природой, но никак не в прозаической обстановке городской мансарды. В любовных отношениях с Евой он, казалось бы, находит свой идеал, загородный парк становится волшебным лесом, скрывающим влюбленных. Но воспоминания об Эдварде не покидают Глана, а неожиданный приезд Мака приносит мучительное отвращение. Мак, явно ревнуя Еву к Глану, в то же время всячески содействует их сближению. Традиционный рисунок «любовного треугольника» дополнен гомосексуальными отношениями между Маком и Гланом.

Как уже было сказано, ни имя Гамсуна, ни название его романа в тексте не упоминаются. Однако самому этому произведению отведена у Фалдбаккена ключевая роль. Действие романа «Глан» начинается с того, что герой получает некую «книгу», присланную, как позднее становится ясно, Эдвардой. Здесь просматривается четкая аналогия с присылкой трех зеленых перьев у Гамсуна. В обоих случаях это служит отправной точкой воспоминаний героев. В письме, сопровождающем книгу, Эдварда мотивирует свой поступок: «Я хотела бы, чтобы ты ее прочел. Это красивая история, хоть и немного печальная. И в ней есть вещи, заставившие меня подумать о нас, о тебе и обо мне» (с. 7). Поначалу Глан критически воспринимает эту идею. Он рассуждает о художественных достоинствах «книги», о старомодности лексики и орфографии, но постепенно роман овладевает его сознанием. Фалдбаккен вводит в текст цитаты из «Пана», выделяя их курсивом. По мере того как герой предается воспоминаниям, число цитат увеличивается, а под конец Глан начинает говорить фразами своего гамсуновского предшественника.

Происходящую с его пациентом эволюцию тревожно констатирует психиатр. Сперва он не возражает, чтобы тот читал книгу. «Она не может повредить», — говорит он, хотя и предостерегает Глана: «Я всегда рассматривал главного героя как нечто вроде клинического случая. Вся эта история ужасно заострена и чрезмерно драматизирована. Типичное романтическое произведение прошлого века, не забывайте об этом» (с. 116). В дальнейшем врач высказывается более серьезно: «Только бы вы не воспринимали все, что там стоит, слишком буквально. Вы должны помнить, что это написано очень романтическим писателем сто лет тому назад. Он — мастер в искусстве словесного оболъщения. Гениальный лжец... Я хочу сказать, что,

может быть, не стоит слишком идентифицировать себя...» (с. 136). Наконец в последнем разговоре с Гланом врач уже отмечает опасное воздействие «книги»: «Маленький совет... оставьте в покое эту проклятую книгу. Похоже, что именно сейчас она производит не слишком удачный эффект. Вы слишком идентифицируетесь. Знайте, что большинство этих романтических героев — самодеструктивные психопаты» (с. 175).

Сам Глан не скрывает влияния, оказанного на него прочитанным: «Этот текст сплетается с моим собственным голосом и дает мне ощущение, будто время все-таки еще не ушло, будто лес стоит там, открытый для нас, и в каждом слове — ликование... До тех пор, пока не приходят горечь и боль и не требуют своего» (с. 168).

Как бы между прочим, сообщается об отношении к «книге» других персонажей. По словам Эдварды, Ева «обожает эту книгу» (с. 68). Соперник Глана, рационально мыслящий студент-медик, считает ее «типичной романтической писаниной», а поведение героя — «чистой воды патологией» (с. 53–54).

Фалдбаккен не ограничивается воспроизведением основы сюжета «Пана» и его прямым цитированием. Он вводит в повествование множество деталей, косвенно «отсылающих» читателя к Гамсу. Глан «охотится» за антиквариатом по поручению Мака. На столе у него стоит статуэтка, изображающая Пана и Дафниса, а в одном из эпизодов он воображает самого себя Паном, играющим на флейте. Сохранена эксцентричность поведения Глана в чуждом ему обществе. Как и у Гамсуна, он неловок — обливает вином одного из гостей Мака. Вызывающему поступку гамсуновского героя, бросающего в воду туфлю Эдварды, существует современная аналогия: во время загородного праздника герой Фалдбаккена обнаженным прыгает с большой высоты в море. Хромоте гамсуновского доктора соответствует заикание психиатра, а верную собаку заменяет постоянно приходящая к Глану проститутка, которая за деньги опускается на четвереньки и лижет своему «хозяину» руку. (Глан даже называет ее своей «собако-подругой».) У Гамсуна Глан, под предлогом доверительного сообщения, плюет в ухо барону; у Фалдбаккена герой так же поступает с доктором.

Подобных примеров можно привести много, но особенно важна в этом отношении сцена гибели Евы. У Гамсуна Мак сперва сжигает хижину Глана, а затем убивает Еву руками Глана, устроившего роковой взрыв. У Фалдбаккена эти события объединены. От выстрела пьяного Мака сгорает «хижина» — летний домик, в результате чего погибает Ева. Но вина Глана и здесь присутствует: именно он побуждает Мака выстрелить в керосиновую лампу, стоящую на пороге домика. Сомнительным оправданием герою служит то, что он принял свет лампы за свет безопасного карманного фонарика. К тому же злосчастную лампу добыл во время своей «охоты» за антиквариатом сам Глан. Заметим, что в «Пане» Мак демонстрирует Глану как но-

винку именно керосиновую лампу, говоря при этом, что с ней надо обращаться осторожно.

Образ главного героя романа Фалдбаккена изначально близок к созданному Гамсуном, но современные обстоятельства усугубляют драматизм его судьбы. Он — романтик, живущий в мире, где царит прагматизм и окончательно не осталось места большим страстям и ярким чувствам. Не случайно он кажется себе среди посетителей дискотеки «покосившимся анахронизмом»: «Как заброшенный памятник другой эпохе в человеческих отношениях, другим умонастроениям, другим формам выражения, высился я над этими людьми, которых не занимало ничто, кроме опьянения слепящей близостью и каскадами звуков, почти причиняющими страдание» (с. 124).

Несоответствие Глана духу времени подчеркивается упоминанием о старомодности его имени, которое для гостей Мака звучит как «имя из романа» (с. 44), словами Эдварды о том, что лейтенантов теперь не встретишь: «Это было раньше, на балах и тому подобное» (с. 24). Имя самой девушки отнюдь не кажется Глану старомодным: «Мужчина мог бы пройти сквозь огни и воды ради этого имени» (с. 13), — говорит он ей при первой встрече. «Старомодность» Глана одновременно притягивает и отталкивает современную Эдварду, она пытается придать понятный ей характер их отношениям. Именно поэтому она ищет полной физической близости с Гланом и даже провоцирует его на это во время последнего свидания в лечебнице. Объясняя свое поведение, Эдварда говорит: «Я пришла к тебе... чтобы получить память о тебе... Отпечаток твоего тела — так я, может быть, когда-нибудь освобожусь от тебя! Мужчину я могу забыть, но не мечту... Стань для меня реальным и перестань меня преследовать!» (с. 168–169).

Ощущение своей «анахроничности» толкает Глана к окончательной идентификации с гамсуновским героем, оставляя ему, как и тому, один выход — смерть.

Фалдбаккен завершает свой роман соответствующей переработкой новеллы Гамсуна «Смерть Глана», служащей эпилогом «Пана». Так же как и Гамсун, он передает слово человеку, от руки которого погибает герой: заключением служит стенограмма показаний Мака. После неудачной попытки повеситься убежавший из лечебницы Глан приходит к Маку, требуя, чтобы тот его застрелил. Он говорит что-то несвязное о том, что они поедут вместе в экзотические страны, будут ходить на охоту. (Вспомним, что гамсуновский Глан был убит во время охоты в джунглях Индии.) Возникают и другие «отсылки» к новелле: Глан всячески провоцирует Мака, разжигает его ревность, называет трусом, стреляет в него, нарочно промахиваясь. (На протяжении повествования неоднократно сообщалось, что Глан — прекрасный стрелок, а Мак — никудышный.) Правда, у Гамсуна рассказчик сам в конце концов стреляет в Глана, а в стенограмме говорится, что курок зажатого в руке Мака револьвера спускает Глан,

но ведь речь идет о показаниях человека, желающего представить происшедшее как несчастный случай. Кстати, именно так была официально трактована гибель героя в «Смерти Глана».

Композиционный прием, использованный Фалдбаккеном в основной части романа, — чередование воспоминаний Глана и его бесед с врачом — дает автору возможность открыто сопоставить два диаметрально противоположных мировосприятия. Если Глан находится целиком во власти эмоций, то врач ищет всему лишь рациональное, «научное» истолкование. Это противостояние романтика и рационалиста существует и у Гамсуна: там доктор постоянно корректирует логическими суждениями представления Глана — о характере Эдварды, о ее поступках, даже о ее возрасте. У Фалдбаккена врач профессионально исследует переживания героя методом психоанализа. При этом возникает не замечаемая самим врачом ситуация — поскольку герой постепенно полностью идентифицируется с гамсуновским Гланом, психоанализу подвергается и литературный персонаж. Поведению Глана в отношении Эдварды врач находит свое объяснение: «Импотентность..! Вот тебе важный ключ! Ключевое слово для понимания обилия обходных маневров и туманных речей романтиков: мечтания, платоническая любовь...» (с. 81). Поэтому связь Глана с Евой представляется ему непостижимой. Гордость Глана врач характеризует как симптом психической ущербности, как нечто препятствующее «позитивному взаимному общению и сотрудничеству с другими людьми» (с. 122). Причастность к гибели Евы объясняется подсознательной ненавистью к Эдварде: «Ты караешь одного человека за преступления другого. Ты вымещаешь свое разочарование и ярость по поводу того, что тобою пренебрегли, на той, которая тебя любит!» (с. 172). В рассуждениях врача обретает свое место и социальная мотивация: гордость Глана была уязвлена тем, что его отвергла «девушка из более высокого класса» (с. 174).

Примечательно, что Глан испытывает к психиатру чувство, похожее на сострадание. «Он считает себя таким проникательным, этот доктор с его хорошей репутацией умельца вторгаться в глубины человеческого сознания и распутывать там все узелки, с его упорядоченными идеями и нормированным рабочим временем» (с. 174). В действительности, по мнению Глана, доктор страдает комплексами, потому что мучительное заикание заставляет его медлить и «спотыкаться» на каждом слове. «Этой медлительности я не знал никогда!.. Мой голос полновучен, как орган. Его нежнейшие флейтовые нюансы взывают к самым сокровенным чувствам людей, к желаниям и надеждам их мечтаний, к их улыбкам и слезам... Поэтому я могу смеяться над проникательностью доктора, я могу приподнять шляпу и послать ему ободряющий взгляд» (с. 174).

Таким образом, противостоянию романтика и рационалиста не дается однозначного разрешения. Доктору не удалось «излечить» Глана, потому что мир чувств не поддается холодному анализу. Но един-

ственной формой протеста против торжества прагматизма оказывается для героя смерть от руки Мака, этот прагматизм олицетворяющего.

Итак, казалось бы, современности совершенно чужда романтика, но почему же Глан не оставляет равнодушными тех, с кем его сталкивает жизнь? Он оказывается чем-то притягателен не только для Эдварды и Евы, но и для циника Мака и его гостей. «Ты обретаешь власть над фантасией людей», — говорит Глану Мак (с. 100). Герой Фалдбаккена самым своим существованием тревожит окружающих — так же, как тревожил воображение читателей герой Гамсуна. Он заставляет их смутно, подсознательно, ощущать потребность в тех самых чувствах, надеждах и мечтах, которые они считают несозвучными трезвой реальности.

Роман Фалдбаккена обращен не только к тем, кто хорошо знаком с произведением Гамсуна, но и к тем, кто его, может быть, не читал или забыл. Автор, можно сказать, провоцирует читателя, побуждая его обратиться к роману, написанному сто лет тому назад, поддаться его очарованию, как это произошло с современным Гланом, найти там ту «истинную поэзию», которая, по словам этого героя, одна может выразить всю сложность душевного мира человека.

¹ Куприн А. И. О Гамсуне // Куприн А. И. Собр. соч. М., 1958. Т. 6. С. 588–596.

² Иностранная литература. 1988. № 3, 4.

³ *Tveterås A. o. a. Fra saga til samtid.* Norsk Litteraturhistorie. Oslo, 1991. S. 227.

⁴ Гамсун К. Избранное. Л., 1991. С. 420.

⁵ Там же.

⁶ *Faldbakken K. Glahn.* Oslo, 1987. S. 8–9. Далее текст цитируется по этому изданию, в скобках указываются страницы.